

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309

EDN GWXOXM

Защита Земли как уникальной формы жизни: философско-правовой аспект

Анисимов А.П.

Донской государственный технический университет
344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
anisimovap@mail.ru

Аннотация. На основе глубокого изучения гипотезы Геи Джеймса Лавлока, концепций биосферы и ноосферы Владимира Вернадского, а также идей Линн Маргулис, Дориона Сагана и других авторов, в исследовании доказывается необходимость фундаментального переосмысления концепции экологического права в условиях глобального экологического и пандемического кризисов. Акцентируется внимание на философских аспектах международного и национального права, связанных с переходом от антропоцентрической к экоцентрической парадигме. Аргументируется необходимость признания Земли уникальной формой жизни, обладающей собственными интересами и ценностью, не зависящими от человека. Автор отмечает, что загрязнение окружающей среды, климатический кризис и иные глобальные вызовы требуют от международного сообщества формирования новой философско-правовой парадигмы, основанной на уважении целостности биосферы и понимании взаимозависимости человека и природы.

Ключевые слова: философия права, Гея, биосфера, ноосфера, экоцентризм, права природы

Для цитирования: Анисимов А.П. 2025. Защита Земли как уникальной формы жизни: философско-правовой аспект. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 300–309. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309 EDN: GWXOXM

Protection of the Earth as a Unique Form of Life: Philosophical and Legal Aspect

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Abstract. Based on a deep study of James Lovelock's Gaia hypothesis, Vladimir Vernadsky's concepts of the biosphere and noosphere, as well as the ideas of Lynn Margulies, Dorion Sagan and others, the article proves the need for a fundamental rethinking of the concept of environmental law in the context of global environmental and pandemic crises. Attention is focused on the philosophical aspects of international and national law related to the transition from an anthropocentric to an ecocentric paradigm. The necessity of recognizing the Earth as a unique form of life with its own interests and values independent of humans is argued. The author notes that environmental pollution, the climate crisis and other global challenges require the international community to form a new philosophical and legal paradigm based on respect for the integrity of the biosphere and an understanding of the interdependence of man and nature.

Keywords: philosophy of law, Gaia, biosphere, noosphere, ecocentrism, nature rights

For citation: Anisimov A.P. 2025. Protection of the Earth as a Unique Form of Life: Philosophical and Legal Aspect. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 300–309 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-300-309 EDN: GWXOXM

Введение

Современная философия все чаще рассматривает планету Земля не просто как небесное тело, но и как уникальную живую систему. Одним из первых на это указал В.И. Вернадский, полагавший, что присутствие жизни придает оболочке Земли (биосфере) исключительный характер, уникальный во Вселенной, поскольку живая и неживая материи на планете образуют неразрывное целое. Позднее Д. Лавлок радикализировал этот подход, выдвинув гипотезу Геи, согласно которой вся совокупность организмов и абиотической среды Земли образует единый саморегулирующийся организм планетарного масштаба. Таким образом, в философии уже почти сто лет происходит формирование представлений о Земле как о едином живом целостном организме, а не просто «космическом теле», случайно заселенном живыми существами. В 2020-х годах востребованность этих философских концепций возросла многократно, поскольку человечество столкнулось с беспрецедентными экологическими и социальными потрясениями – от нарастающего экологического кризиса (изменение климата, утрата биологического разнообразия) до глобальных пандемий. Эти явления показали уязвимость современного мира и взаимозависимость человека и природы.

Многие российские ученые [Дмитриева, 2012; Баркова, 2016; Шульга, 2018; Турчин, 2011] заговорили о поиске баланса между философией, правом и экологией, необходимого для того, чтобы избежать печальных для человека последствий. Даже официальные лица (например, директор Программы ООН по окружающей среде Ингер Андерсен и Папа Римский Франциск) публично высказывали мнение, что человеческая цивилизация зашла уже слишком далеко в эксплуатации «Матери-Земли», получив ответную реакцию в виде кризисов.¹ И хотя метафора «мести Геи» пока критикуется как излишне персонализирующая природу, недавняя пандемия COVID-19 заставила признать, что здоровье экосистем и здоровье человечества неразделимы.

Глубина современного кризиса ставит под сомнение антропоцентрическую парадигму развития и требует фундаментального переосмысления философско-правовых основ отношений человека и биосферы, на которых должно быть основано новое международное и национальное экологическое законодательство.

Исходя из этого цель исследования – доказать необходимость фундаментального переосмысления концепции экологического права в условиях глобального экологического и пандемического кризисов. В центре внимания – философия права и международно-правовые аспекты отношения к планете Земля как к самоценной живой целостности.

Общая философская концепция Земли как особой формы жизни

В 1970-х годах британский химик Джеймс Лавлок, работая над космическими проектами NASA по поиску жизни на Марсе, выдвинул смелую идею, впоследствии названную гипотезой Геи. Суть ее состояла в том, что Земля в целом ведет себя как единая живая система, поддерживая гомеостаз условий, благоприятных для жизни. Д. Лавлок обратил внимание на аномальный химический состав земной атмосферы: присутствие больших количеств кислорода, метана, азота и других газов, которые в обычных условиях

¹ Olivier B. What Gaia theory can tell us about the outbreak of novel coronavirus // <https://mg.co.za/article/2020-04-10-what-gaia-theory-can-tell-us-about-the-outbreak-of-novel-coronavirus/#:~:text=novel%20coronavirus%20pandemic%20must%20be,it%20cannot%20be%20dismissed%20as> (дата обращения 15.04.2025).

должны были быстро вступить в химические реакции и исчезнуть [Lovelock, 1979]. Единственным объяснением этой химической неравновесности может быть непрерывный обмен веществ всех организмов с окружающей средой. Совместно с микробиологом Л. Маргулис Д. Лавлок разработал теорию о том, что живые существа (особенно микроорганизмы) активно регулируют химико-климатические параметры планеты, подстраивая их под нужды биосферы. Уже к концу 1970-х годов гипотеза Геи приобрела известность: Землю стали метафорически называть суперорганизмом, сравнимым с гигантским живым существом. И хотя первое время гипотеза Геи воспринималась с некоторым скепсисом, все последующие исследования показали, что саморегуляция может происходить без целенаправленного плана.

В 1980-е гг. теория Геи получила дальнейшее обоснование. Д. Лавлок доказал, что совокупная эволюция биоты и среды ведет к поддержанию стабильности, благоприятной для продолжения жизни [Lovelock, 1988]. Иначе говоря, регуляция климата и состава атмосферы – это свойство всей системы «живое плюс неживое», возникающее посредством естественного отбора на уровне экосферы. Благодаря этому уточнению теория Геи вписалась в русло научных представлений о биогеохимических циклах и стала частью современной науки о Земле. Идея Геи имела большие философские последствия. Она поколебала традиционное разделение живого и неживого. Д. Лавлок предлагал смотреть на всю биосферу Земли, от китов до вирусов и от дубов до водорослей, как на единый субъект, способный регулировать собственные условия обитания. Это подчеркивало мысль о ценности жизни как целого, надмирной по отношению к человеку. Уже первые формулировки Д. Лавлока содержали зародыш эгоцентрического мировоззрения: если Земля – единый организм, то человек – лишь часть ее, но не «венец творения». Позднее философы и социологи науки (например, Бруно Латур) отмечали, что теория Геи по значимости сопоставима с революцией Коперника. Если Г. Галилей убедил человечество, что Земля – не центр Вселенной, то Д. Лавлок показал, что жизнь – это центральный фактор самой Земли, делающий нашу планету радикально иной, чем все прочие. Б. Латур писал, что Д. Лавлок, взглянув на Землю с космоса, и Л. Маргулис, взглянув на нее «от микроба», пришли к одному открытию: жизнь с большой буквы сконструировала условия своего собственного существования¹. Это открытие не полностью осознано наукой и обществом, но имеет огромное мировоззренческое значение. Еще один важный философский вывод из теории Геи – понимание того, что поддержание жизни на Земле не гарантирует благоденствия человеческого вида. Как отмечала Л. Маргулис, Гея три миллиарда лет прекрасно обходилась без людей и будет эволюционировать дальше, когда нас не станет².

Это означает, что человечество не является центральным и незаменимым элементом биосферы. Планета беспощадно разрушает всех тех, кто нарушает правила жизни. Экологический дисбаланс, вызванный людьми, непременно повлечет реакцию Земли – климатические изменения, эпидемии, падение биоразнообразия, которые не будут учитывать интересы человека. С точки зрения Геи, виды появляются и исчезают, а регулирование условий (температуры, состава атмосферы) продолжается до тех пор, пока существует хоть какая-нибудь жизнь. Такая «равнодушная» позиция планетарной жизни ставит человечество перед нравственным выбором: либо приспособить свою деятельность под правила Геи, либо столкнуться с ее «гневом» (в виде экологических катастроф). Данный вывод напрямую подводит нас к вопросу о том, как право должно учитывать интересы и людей, и биосферы.

¹ Bruno Latour: This is a global catastrophe that has come from within // <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climatecrisis#:~:text=That%20such%20an%20important%20concept,It%20is%20Life> (дата обращения 15.04.2025).

² Gaia is a tough bitch”: Remembering Lynn Margulis, scientific pioneer // <https://ecologise.in/2017/12/01/lynn-margulis-1938-2011-gaia-tough-bitch/> (дата обращения 15.04.2025).

Появление концепции Геи опиралось на труды В.И. Вернадского, который еще в 1920-е годы предвосхитил многое из того, о чем спустя десятилетия заговорили приверженцы Геи. В своем труде «Биосфера» (1926) В.И. Вернадский развил идею Эдуарда Зюсса о биосфере как оболочке жизни, наполнив ее новым содержанием. Он показал, что живая материя – мощнейший геологический фактор, преобразующий облик планеты. По В.И. Вернадскому, живая материя – самая могучая геологическая сила, определяющая эволюцию земной поверхности, климата и химического состава атмосферы. Это утверждение основывалось на многочисленных примерах: накопление кислорода в атмосфере благодаря фотосинтезу, формирование осадочных пород с участием живых организмов, размножение и расселение видов, изменяющих ландшафты. В.И. Вернадский подчеркивал, что под воздействием солнечной радиации биосфера приобретает свойства, неизвестные безжизненным планетам, и преобразует лицо Земли, аккумулируя и перераспределяя энергию. Важнейший тезис В.И. Вернадского – неразрывность живого вещества и окружающей среды. Он утверждал, что живая (биогенная) и неживая (косная) материя на Земле тесно взаимосвязаны и постоянно обмениваются элементами и энергией [Vernadsky, 1998]. Жизнь черпает химические элементы из среды, создает новые соединения, а после смерти организмов эти элементы возвращаются в абиотический фон – и цикл повторяется бесконечно. Благодаря жизни Земля – это уникальное космическое тело, резко отличающееся от Луны или Марса. Это перекликается с позднейшими формулировками Бруно Латура и Д. Лавлока об особой планете Земля, непохожей на иные, поскольку она полностью пронизана жизнью. Можно сказать, что В.И. Вернадский научно обосновал планетарный биологизм: взгляд, согласно которому невозможно понять геологию и химию Земли в отрыве от жизни. В дальнейшем В.И. Вернадский развил идею ноосферы как новой стадии развития биосферы, в которой человеческий разум и деятельность станут определяющим фактором эволюции планеты [Serafin, 1987]. По В.И. Вернадскому, уже в начале XX века масштаб человеческого воздействия (промышленность, земледелие, транспорт, изменение ландшафтов) достиг геологического.

Человек перестал быть просто биологическим видом. Благодаря научной мысли и технике человечество превратилось в мощную геологическую силу, способную изменять биосферу планеты [Vernadsky, 1945]. Концепция ноосферы отразила антропоцентрический оптимизм В.И. Вернадского: он надеялся, что объединенное научное сознание направит эту мощь на благо планеты и сделает ноосферу «мыслящей оболочкой», гармонизирующей отношения человека и природы. Однако в этом заключается принципиальное различие с гипотезой Геи. Если на Гею у Д. Лавлока эгоцентрический взгляд, и главная героиня – сама планетарная жизнь (а человек лишь часть ее), то ноосфера В.И. Вернадского – концепция более антропоцентрическая, делающая акцент на особой роли человеческого разума. Тем не менее, на мой взгляд, эти идеи не противоречат, а дополняют друг друга. В свете современных данных противопоставление это частично стирается – наука о Земле интегрирует оба подхода, признавая и объективные биогеохимические изменения Геи, и роль в них человека.

В начале XXI века концепция «человечество как геологическая сила» получила новое звучание через термин «антропоцен», предложенный Ю. Стормером и П. Крутценом, который используется для обозначения современной геологической эпохи, где деятельность человека стала определяющим фактором изменений на планете [Paola, Jamieson, 2018]. Антропоцен изменит не только философские, но и многие юридические представления, например о взаимосвязи антропогенной деятельности и стихийных бедствий [Stoa, 2015]. Антропоцен фактически развивает тезисы В.И. Вернадского о ноосфере, поскольку ставит вопрос: будет ли разумное человечество конструктивной силой, способной сознательно поддерживать биосферу, или его деятельность разрушит устойчивость планеты Земля? В.И. Вернадский верил в первый сценарий, но у многих есть сомнения в его оптимизме.

Отдельно следует сказать о вкладе в рассматриваемую концепцию Линн Маргулис, выдающегося микробиолога и соавтора теории Геи. В своих исследованиях она показала, какую колоссальную роль играют микроорганизмы и взаимодействие видов в эволюции жизни. Этот фокус на микромире она перенесла и на планетарный уровень, подчеркнув, что именно микроорганизмы управляют ключевыми биогеохимическими циклами Геи. Благодаря работам Линн Маргулис были выявлены механизмы, через которые бактерии и другие микроорганизмы регулируют состав атмосферы [Margulis, 1997]. Именно она смогла объяснить, кто на микроуровне отвечает за поддержание устойчивости атмосферы – множество симбиотических сообществ микроорганизмов в почве, океане и даже в организмах животных. Тем самым Л. Маргулис придала гипотезе Геи прочную эмпирическую основу: Гея – это не мистическая богиня Земля, а результат коэволюции миллионов микробных и иных сообществ, тонко переплетенных круговоротов веществ и энергии. По мнению Линн Маргулис, представление о Земле как о хрупкой материи, нуждающейся в опеке человека, не отвечает реальному положению вещей: скорее человечество зависит от устойчивости планетарных экосистем. Она критиковала «зооцентризм» многих эволюционистов (фиксацию на животных, при этом упуская микробов) и западный антропоцентризм, заявляя, что наша культура игнорирует 3 млрд лет истории жизни, предшествовавшей человеку. Фактически ей удалось бросить вызов западному мировоззрению, предлагая взамен него экоцентрическую картину мира, где человек – лишь одна из форм жизни [Margulis, Sagan, 2024].

Дорион Саган, будучи писателем и философом науки, помог донести идеи Геи и симбиоза до широкой аудитории и связать их с гуманитарным знанием. Он полагал, что жизнь столь же неотделима от Земли, как клетки – от нашего тела. Эта яркая метафора разрушает представление о Земле как о неодушевленном теле, на котором возникла жизнь. Напротив, Земля с момента зарождения жизни стала единым телом, где минералы, вода, воздух и живое переплелись в неразрывное целое. Д. Саган подчеркивал, что в свете Геи привычная граница между организмом и средой размывается: Земля – это не просто организм в классическом понимании: это особый тип планетарного «живого существа», своего рода гигантское самоподдерживающееся целое. Д. Саган и Л. Маргулис указывали на то, что западная наука должна преодолеть вековой механистический взгляд на Землю и признать ее живой природой.

Вклад Л. Маргулис и Д. Сагана не ограничился биологией; их работы носили междисциплинарный характер, соединяя биологическую теорию с философией и экологической этикой [Margulis, Sagan, Niles, 1995]. Они показали пример нового научного гуманизма, в центре которого – уважение ко всему живому. Их идеи подготовили почву в том числе и для современного международного экологического права, усиленно отстаивающего самоценность биосферы. Благодаря их книгам концепция Геи получила распространение за пределами академических кругов и повлияла на международное общественное экологическое движение. Их работа – яркий пример того, как научная гипотеза переросла в философскую концепцию, бросившую вызов основанию правовых систем: ведь если Земля – живое целое, то какими должны быть международные и национальные законы для ее охраны?

Философия права для живой планеты: от антропоцентризма к экоцентризму

Традиционно право (особенно международное) строится на глубоком антропоцентризме. Человек рассматривается как единственный носитель прав, а природа – лишь как объект использования. Государства закрепляют суверенное право эксплуатировать свои ресурсы, исходя прежде всего из интересов людей. Например, в России нормативы качества окружающей среды отражают представления о безопасном качестве воды и воздуха для здоровья человека, но не иных живых существ; для строительства стадионов и

иных олимпийских объектов безжалостно вырубаются леса, а также уменьшается площадь национальных парков; финансирование природоохранных мероприятий продолжается сокращаться, а площадь свалок твердых коммунальных отходов растет. Однако в условиях глобального экологического кризиса такая парадигма демонстрирует свою несостоятельность. Современное международное экологическое право представляет собой мозаичное полотно отдельных соглашений по поводу охраны тех или иных компонентов природы (климат, биоресурсы, отходы и т. д.), которое, в сущности, отражает атомистическое мышление национальных государств. Как отмечает К. Литфин, международное право исходит из разделения планеты на суверенные территории и отдельные «проблемы», тогда как глобальные экологические кризисы – это проявление столкновения человечества с проблемой состояния Геи [Litfin, 2005].

Антропоцентризм права выражается и в том, что ценность природы определяется через призму ее пользы для человека (концепция «зеленой» экономики, экосистемных услуг). В итоге правовые механизмы, мотивированные узкими человеческими интересами, оказываются слабыми и не могут предотвратить стремительного ухудшения состояния природы во всем мире. Более того, ученые отмечают, что «устойчивое развитие» сегодня является центральным компонентом неолиберальной концепции, препятствуя осознанию серьезности проблем, с которыми мы сталкиваемся, и их причин [Gare, 2017]. В ответ на указанные угрозы в конце XX – начале XXI века зарождается новая философско-правовая парадигма, которую можно назвать экоцентризмом в праве. В ее основе лежит признание самоценности природы, не связанной от человеческой выгодой. Конкретным выражением экоцентризма можно считать концепцию «прав Природы». Суть ее в том, что не только люди (и их объединения), но и сама природа (ее части – экосистемы, виды, даже планета в целом) должны быть признаны носителями прав, охраняемых законом. В философском плане это продолжает линию Д. Лавлока, Л. Маргулис и В.И. Вернадского: если Земля – живое целое, то у этого целого есть интересы, свое «благо», которое требует уважения. Ключевой момент – переход от представления о природе как объекте (ресурсе) к природе как субъекту права.

Такой подход кардинально меняет основу правопорядка: он вытесняет человека с вершины юридической пирамиды, ставя его рядом с другими компонентами Земли в единой правовой системе. Как писал К.Д. Стоун, признание прав Природы позволит подавать иски от имени деревьев и прочих «природных объектов» и требовать компенсации ущерба, который сможет взыскиваться в пользу таких объектов [Stone, 1972]. В свою очередь, Г. Стутцин считал развитие права достигшим такого этапа, когда признание прав Природы будет являться актом справедливости. Этим право подтвердит особые ценности, присущие миру Природы, и оставит позади непростительно антропоцентричное представление о Земле, по которому она и все, что на ней существует, – лишь окружающая среда для человечества, не имеющая никакой ценности, кроме полезности для человека [Stutzin, 2002]. Однако еще дальше пошел Томас Берри, предложивший термин *Earth Jurisprudence* для обозначения философии права и управления, исходящей из примата Земли, а не человеческих интересов¹. По мысли Т. Берри, современное право ошибочно сконструировано так, что все права принадлежат человеку, а природа прав не имеет вообще. Он считал такую систему фундаментально порочной и призывал к ее трансформации на принципах, диктуемых самой Землей. Его концепция исходит из убеждения, что человеческие законы должны соответствовать естественным законам Земли – экосистемным и эволюционным процессам, поддерживающим жизнь. Люди – лишь часть огромного сообщества планеты, куда входят все живые существа и компоненты биосферы. Задача людей – занять смиренное место в

¹ Tucker M.E., Grim J. Thomas Berry and the Rights of Nature // https://www.kosmosjournal.org/kj_article/thomas-berry-and-the-rights-of-nature/#:~:text=his%20articulation%20of%20the%20principles,decades%20in%20conversation%20with%20others (дата обращения 15.04.2025).

этом сообществе, действуя как «благожелательные участники» Земли, а не как господствующие хищники. Т. Берри указывал, что традиции коренных народов, почитающих землю как одушевленную и сакральную, могут служить вдохновением для построения новой юриспруденции.

Практический (юридический) переход к экоцентрической правовой модели уже постепенно происходит в разных странах и на международном уровне. Так, в 2008 году Эквадор первым в мире включил права природы (Матери-Земли) в свою Конституцию. Следом аналогичные изменения последовали в Боливии. В ряде стран (Новая Зеландия, Индия, Колумбия) суды наделили правами конкретные природные объекты – реки, леса, экосистемы. Этот экоцентрический поворот открывает новые возможности для защиты окружающей среды и предполагает изменение отношений между государством, обществом и природой [Álvarez-Rondón, 2025]. Природа не является теперь собственностью людей и существует не только для удовлетворения их целей [Maldonado, 2019]. В рамках этих представлений человек рассматривается уже не как высшая форма бытия, а лишь как элемент Природы (Пачамамы).

Все жизни взаимосвязаны, и нет разделения между человечеством и окружающей средой [Cardozo, Salles, 2019]. На уровне ООН, начиная с 2009 года, издаются регулярные доклады Генерального секретаря ООН «В гармонии с природой», в которых предлагается изменить общепризнанную терминологию. В них упоминаются «правовая философия Земли», принципы «планетоцентрического права». Отдельно следует указать на использование в них новой правовой конструкции «право Земли на здоровую окружающую среду» (именно Земли, а не человека или государства). В 2017 году Межамериканский суд по правам человека в своем Консультативном заключении отметил, что право на здоровую окружающую среду защищает природу ради нее самой, а не только в связи с благополучием людей. Куньминско-Монреальская рамочная программа в области биоразнообразия (2022) прямо упоминает необходимость достижения гармонии с Матерью-Землей, что свидетельствует о начале парадигмального сдвига в международном праве – от суверенитета и антропоцентризма к пониманию планеты как единого целого, обладающего ценностью и правами. Права природы служат одним из способов реализации экоцентричной философии права, утверждающей внутреннюю ценность и необходимость охраны природы, вне зависимости от ее пользы для человека. Вышеописанные изменения можно рассматривать как зарождение «геоцентрического» (планетоцентрического) права, ориентированного на поддержание целостности Земли. В правовой литературе все чаще обсуждается термин «право Земли», отражающий необходимость регулирования исходя из планетарных границ и связанности экологических процессов [Kim, 2022]. Предполагается, что в эпоху антропоцена право должно оперировать категориями глобальных системных рисков, стабильности биосферы, учитывать показатели планетарного благополучия (включая недопустимость превышения определенных уровней изменения климата, химического загрязнения и утраты видов). Такая перспектива созвучна с образом Геи: вместо узкого реагирования на отдельные «нарушения» окружающей среды требуется экосистемный подход, рассматривающий человеческую экономику, здоровье и т. п. как подсистемы более обширной живой планеты Земля. Подобно тому, как в организме нарушение работы одного органа лечат с учетом влияния на весь организм, международное право должно стремиться к целостному регулированию, выходящему за рамки национальных юрисдикций и краткосрочных интересов. Поэтому устойчивость человечества неотделима от устойчивости биосферы, а значит, права природы и права человека – не конкуренты, а необходимые взаимодополняющие элементы одной (единой) системы ценностей. В этом заключается глубинный философский сдвиг: право призвано эволюционировать от служения исключительно *Homo sapiens* к служению жизни как таковой.

Изменение климата часто описывают в духе метафоры, предложенной Д. Лавлоком как «лихорадка Геи» – реакции планетарного организма на раздражитель. Накопление парниковых газов в атмосфере вследствие деятельности человека выводит систему из равновесия, и Земля стремится установить новый баланс, который мало совместим с нынешней цивилизацией. Д. Лавлок в книге «Месть Геи» (2006) предупреждал, что, если температура повысится на несколько градусов, биосферные механизмы регулирования могут перейти в иной режим, опасный для человечества. С позиции философии права это поднимает вопрос: имеем ли мы моральное право нарушать правила планеты? Гея, говоря словами Д. Лавлока, уничтожает нарушителей – не из злобы, а в силу естественных законов. Отсюда проистекает идея о правах будущих поколений и самой Земли на благоприятный климат, от которого зависит здоровье биосферы Земли в целом, здоровье диких животных и человека. Эта идея уже проникла в международные соглашения (например, преамбула Парижского соглашения о климате 2015 года упоминает «Мать-Землю» и климат как общую заботу человечества).

Вопрос об объявлении экоцида (масштабного уничтожения экосистем) международным преступлением также набирает сторонников ввиду осознания, что умышленные действия, «ранившие» Гею, должны наказываться в глобальном масштабе. Восприятие идей Геи проявляется не только применительно к климату. Идеи экоцентризма уже воплощены в Рамсарской конвенции 1971 года, согласно которой следует охранять не болота (отдельно) и водоплавающих птиц (отдельно), а водно-болотные угодья в целом как единую экосистему.

Во многих странах мира (например, в Республике Беларусь) реализуется новая концепция особо охраняемых природных территорий, когда особой охране подлежат не только «островки» дикой природы, но и экологические коридоры, соединяющие их с другими биоценозами. В России в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» предусмотрен ряд мер по охране среды обитания диких животных при осуществлении различных видов хозяйственной деятельности (ст. 22). Весьма прогрессивная экологическая политика проводится в Китае, провозгласившего построение экологической цивилизации. Концепция экологической цивилизации направлена на создание условий для процветания живых существ, включая человека, на полное раскрытие их потенциала для улучшения качества жизни, а не на максимизацию прибыли или просто развитие производительных сил [Kopytin, Gare, 2023]. Во многих странах мира происходит переход на стандарты циркулярной экономики, что влечет уменьшение количества отходов [Webster, 2013]. На международном уровне обсуждается Всеобщая декларация прав Матери-Земли и Глобальный пакт об охране окружающей среды. Все эти правовые инициативы являются свидетельством того, что философия права стремится осмыслить вызов, брошенный гипотезой Геи: как включить нечеловеческий мир в пространство права и морали. При этом важно отметить: философско-правовой экоцентризм не противопоставляет радикально интересы человечества интересам природы. Наоборот, проводится мысль об их единстве: благо экосистем есть условие блага людей, поскольку ориентация только на человеческие интересы приводит к слабой охране природы и тупику, тогда как признание прав природы отражает понимание взаимосвязанности человека и природы. Именно эта взаимосвязанность – центральный мотив гипотезы Геи и концепции биосферы. В современном мире она наконец начинает восприниматься всерьез как в философии, так и в праве. При этом не принципиально, каким именно правовым путем идти к этой цели – через признание прав Природы или изменение правового регулирования ее охраны как глобальной экосистемы – объекта права. В этом смысле каждая страна вправе выбирать свой путь, сообразно своим обычаям и традициям.

Заключение

Философско-правовой анализ гипотезы Геи Д. Лавлока, учения о биосфере В.И. Вернадского, работ Л. Маргулис, Д. Сагана и других ученых показывает, что перед нами разворачивается новая парадигма восприятия Земли. Планета предстает не

совокупностью экономически ценных полезных ископаемых, а уникальным живым существом, обладающим собственной ценностью и правами. Это требует от международного права фундаментальной переориентации – от служения исключительно человеку к служению всей земной общности жизни. Впервые за свою историю право столкнулось с необходимостью включить в свой нормативный горизонт целую планету как субъект. Международное право, формировавшееся в эпоху суверенных государств и антропоцентризма, должно адаптироваться к реальности Антропоцена – Геи, где границы государств вторичны по отношению к целостности биосферы. Идеи Д. Лавлока и других ученых, ранее казавшиеся смелыми научными гипотезами, сегодня получают философско-правовое развитие: от них протягиваются нити к концепциям прав природы, Earth Jurisprudence, планетарного здоровья. В условиях климатического кризиса и пандемий эти идеи перестают быть абстракцией – они становятся основой для конкретных шагов по реформированию права, международной и национальной политики. Защита Земли как уникальной формы жизни – это сегодня не частная экологическая проблема, а вопрос сохранения основы бытия для всех живых существ, включая человека.

Философия права призвана осмыслить новые субъекты (Гея, биосфера), новые ценности (внутренняя ценность природы) и новые обязанности (бережное сосуществование человека и иных форм жизни в пределах Земли). Международное право, в свою очередь, должно эволюционировать до уровня планетарного стража – хранителя условий, необходимых для продолжения жизни на Земле. Возможно, в будущем историки будут говорить о начале XXI века как о времени второй коперниканской революции – когда люди перестали считать себя юридическим центром мира и признали верховенство и ценность жизни Земли.

Список литературы References

- Баркова Э.В. 2016. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева. *Человеческий капитал*, 8: 8-11.
- Barkova E.V. 2016. Towards the History of ecophilosophy: the voice of the spiritualized world in the harmony of the interaction of humanity and nature in the concept of V.S. Solovyov. *Human Capital*, 8:8-11.
- Дмитриева Н.В. 2012. Современное состояние проблемы взаимоотношения природы – человека – общества: социально-философский анализ. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1-1: 170-175.
- Dmitrieva N.V. 2012. The current state of the problem of the relationship between nature – man – and society: a socio-philosophical analysis. *Bulletin of Saratov State Technical University*, 1-1:170-175.
- Турчин М.Б. 2011. Экофилософская методология как конструирующий фактор течения радикального экологизма. *Гуманитарный вестник ЗДИА*, 47: 105-113.
- Turchin M.B. 2011. Philosophical methodology as a constructive factor in the course of radical environmentalism. *ODIA Humanitarian Bulletin*, 47:105-113.
- Шульга Е.Н. 2018. Экофилософия и символический мир природы: проблема интерпретации. *Logos et Praxis*, 17-1: 22-31.
- Shulga E.N. 2018. Ecophilosophy and the symbolic world of nature: the problem of interpretation. *Logos and Practice*, 17-1:22-31.
- Álvarez-Rondón C.C. 2025. Derechos de la naturaleza en Colombia: dispositivos e instrumentos de gestión ambiental de la administración pública desde una perspectiva de innovación. *DIXI*, 27: 1-16.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30-46.
- Gare A. 2017. From ‘Sustainable Development’ to ‘Ecological Civilization’: Winning the War for Survival. *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*, 13-3: 130-153.
- Kim R.E. 2022. Taming Gaia 2.0: Earth system law in the ruptured Anthropocene. *The Anthropocene Review*, 9-3: 299-590.

- Kopytin A., Gare A. 2023. Ecopoiesis: A Manifesto for Ecological Civilization. *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 4-1: 6-17.
- Litfin K. 2005. Gaia Theory: Intimations for Global Environmental Politics. *Handbook of Global Environmental Politics*. Editor: P. Dauvergne. Elgaronline, 502-517.
- Lovelock J. 1979. Gaia: A New Look at Life on Earth. *Oxford University Press*, 157 p.
- Lovelock J. 1988. The Age of Gaia A biography Our Living Earth. *New York; London: Norton, Cop.*, 255 p.
- Maldonado D.B. 2019. El constitucionalismo radical ambiental y la diversidad cultural en América Latina. Los derechos de la naturaleza y el buen vivir en Ecuador y Bolivia. *Revista Derecho del Estado*, 42: 3-23.
- Margulis L. 1997. Microcosmos: Four Billion Years of Microbial Evolution. *University of California Press*, 301 p.
- Margulis L., Sagan D. 2024. Gaia and Philosophy. *Silver Press*, 80 p.
- Margulis L., Sagan D., Niles E. 1995. What is life? *New York: Simon & Schuster*, 207 p.
- Paola M.D., Jamieson D. 2018. Climate Change and the Challenges to Democracy. *University of Miami Law Review*, 72: 369-424.
- Serafin R. 1987. Vernadsky's Biosphere, Teilhard's Noosphere, and Lovelock's Gaia: Perspectives on Human Intervention in Global Biogeochemical Cycles. IIASA Working Paper. *IIASA, Laxenburg, Austria*, 1987. 12 p.
- Stoa R. 2015. Droughts, Floods, and Wildfires: Paleo Perspectives on Disaster Law in the Anthropocene. *Georgetown International Environmental Law Review*, 27: 393-446.
- Stone C.D. 1972. Should Trees Have Standing? Toward Legal Rights for Natural Objects. *Southern California Law Review*, 45-2: 450-501.
- Stutzin G. 2002. Nature's Rights: Justice Requires that Nature Be Recognised as a Legal Entity. *Resurgence & Ecologist*, 210: Jan./Feb.
- Webster K. 2013. Missing the wood for the trees: systemic defects and the future of education for sustainable development. *The Curriculum Journal*, 24-2: 295-315.
- Vernadsky V.I. 1998. The Biosphere. *Copernicus*, 195 p.
- Vernadsky V.I. 1945. The Biosphere and the Noosphere. *American Scientist*, 33-1: 1-12.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.04.2025

Received April 16, 2025

Поступила после рецензирования 13.05.2025

Revised May 13, 2025

Принята к публикации 20.06.2025

Accepted June 20, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

[ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)

[ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3988-2066](https://orcid.org/0000-0003-3988-2066)